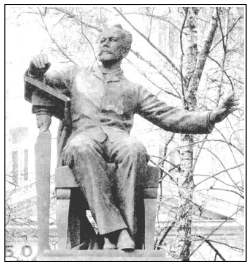
№6 (1244)
СЕНТЯБРЬ
2006
Выходит
с 1938 года

РОССИЙСКИЙ МУЗЫКАНТ

ГАЗЕТА МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ
ИМЕНИ П.И.ЧАЙКОВСКОГО



О ДМИТРИИ ДМИТРИЕВИЧЕ ШОСТАКОВИЧЕ

2006 год будет навечно отмечен 100-летием Шостаковича, первым столетием великого композитора и великого гражданина.

Современники и грядущие поколения познают все о России XX века не через учебники истории, а через музыку Шостаковича. От страницы к странице по произведениям Шостаковича можно проследить все вехи истории нашей многострадальной страны. Его тонкая и чувствительная душа отражала не только такие события как войны, перевороты, репрессии, но и тончайшие нюансы хода истории и человеческих жизней. «Большинство моих симфоний – надгробные памятники. Слишком много у нас людей погибло неизвестно где. И никто не знает, где они похоронены. Даже близкие не знают», – писал Дмитрий Дмитриевич, – я готов написать сочинение о каждом из погибших. Но это невозможно. Поэтому я посвящаю им всю свою музыку».

Его критиковали, оскорбляли, даже травили. Поучали – какую музыку нужно писать, какую нет. В конце концов, его лишили права преподавать композицию в Московской и Ленинградской консерваториях. И тем не менее Шостакович все это пережил. Он имел все возможности покинуть нашу страну и жить в довольстве, удобстве, сытости. Любая страна с распростертыми объятиями приняла бы Дмитрия Дмитриевича, но Шостакович дышал, страдал, голодал вместе со своей страной, и мысль оставить свою родину не посещала его.

Когда бетховенцы репетировали дома у Дмитрия Дмитриевича квартет №11 памяти Василия Петровича Ширинского, он остался доволен исполнением и сказал: «Давайте, друзья, отобедаем вместе и помянем Василия Петровича». Так и сделали. Эта встреча состоялась вскоре после похорон Анны Андреевны Ахматовой. Дмитрий Дмитриевич захотел произнести еще один тост, он встал, поднял рюмку и сказал: «Ахматова – королева русской поэзии! Пушкин, Тютчев, Блок и Ахматова – вот ее столбовая дорога».

Говорить и описывать словами музыку – занятие трудное и бессмысленное. Лишь поэзия, родная сестра музыки (ибо источник у них один), в силах прикоснуться к тайне звукового образа. В своих стихах Анна Ахматова одной строкой сказала о музыке Шостаковича так, как может сказать только поэт. Вдумайтесь: «...И будто все цветы заговорили», – лаконично, неожиданно и прекрасно.

Недаром приходят на память стихи А. А. Ахматовой, написанные в год так называемой «великой» октябрьской революции, когда люди бежали из нашей страны. Настоящая же революция началась позже, в 1919–21-й годы, годы голода и разрухи, когда миллионы невинных людей утопали в крови, когда взрывались церкви, истреблялось духовенство, русское крестьянство, интеллигенция, когда в восемнадцати губерниях России был отмечен каннибализм. Но большевикам так и не удалось истребить и уничтожить русскую душу.

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

А. А. Ахматова. 1917

Дмитрий Дмитриевич мог бы подписаться под этим стихотворением.

Тридцать с лишним лет прошло с тех пор, как угас этот великий человек, но, как от горящей звезды, свет и тепло Дмитрия Шостаковича в течение многих веков будут освещать и согревать сердца людей.

А в жизни Дмитрий Дмитриевич был таким скромным, деликатным, внимательным к людям. Вспоминается один эпизод, свидетелем которого, как мне кажется, я был один. В 50-е годы в Москву приехал Британский королевский оркестр. В программе его выступления значилась Первая симфония Шостаковича. Услышав звуки этой симфонии из Большого зала консерватории, я зашел в зал – это было ранним утром – послушать репетицию. Насколько я помню, дирижировал сэр Барбиролли. Репетиция шла гладко, я сидел в первом амфитеатре и наслаждался музыкой. В оркестровке Первой симфонии есть фортепиано. И вдруг пианист вступил не там, за ним «посыпались» духовые, затем скрипки, и слаженная машина английского оркестра стала расползаться. Я посмотрел вниз и увидел, что с правой стороны появилась фигура человека среднего роста, в синем костюме, в очках, с характерным хохолком на затылке. Он тихо прошел в зал и сел недалеко от директорской ложи в партере.

Дирижер положил палочку. Из группы первых скрипок встал какой-то музыкант, который на русском языке с небольшим акцентом стал говорить, что присутствие автора для них огромная честь, и что ошибки вызваны волнением от его появления. Он оправдывался, что симфония готова, обыграна, и что они никак не хотели волновать Дмитрия Дмитриевича. Смущенный Дмитрий Дмитриевич отмахивался от этих слов, всячески показывая музыкантам, чтобы они занимались своим делом, и пересел подальше вглубь зала.

В этот момент я стал свидетелем удивительной сцены. Оркестранты и все, кто находился на эстраде, вдруг поднялись и безмолвно приветствовали Дмитрия Дмитриевича. Это была немая овации. Создалось впечатление, что в зал вошел Моцарт или Бетховен, и стало понятно, почему оркестр «рассыпался» во время репетиции – в зал вошел Шостакович. Я подумал тогда: это и есть настоящее признание. А Дмитрий Дмитриевич подошел к дирижеру, что-то тихо сказал ему, и репетиция продолжалась. Он лишь изредка делал маленькие замечания, иногда по темпу, иногда по нюансам.

Мне только хочется сказать Вам: «Дорогой Дмитрий Дмитриевич! Родина не только «слышит» и «знает», она помнит все, что Вы сделали для ее славы. До тех пор, пока существует музыкальное искусство, имя Ваше не будет забыто». Я закончу Вашей молитвенной песней:

Родина слышит,
Родина знает,
Как ее сын в облаках пролетает...

Федор Дружинин

КАМЕРНЫЙ ХОР ПОЕТ ШОСТАКОВИЧА

Одним из самых важных, знаковых имен в репертуаре Камерного хора Московской консерватории является имя Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Активно пропагандируя хоровое наследие великого композитора, руководитель коллектива Борис Григорьевич Тевлин продолжает традиции своего учителя по аспирантуре Александра Васильевича Свешникова, творческого друга и первого исполнителя многих шедевров мастера.

Уже вскоре после создания Камерный хор под управлением профессора Тевлина исполнил «Десять поэм на слова революционных поэтов» в Большом зале консерватории. В интерпретации Маэстро на первом плане лирико-трагическая образная сфера, вечная тема противостояния личности и системы, характерная для творчества Шостаковича.

В 2000 году была создана оригинальная сценическая редакция «Антиформалистического райка» (сценограф – Наталья Сомонова, партия баса – солист ГАБТ, з.а. России Александр Науменко). Она имела большой успех у слушателей Москвы, Саратова, Магнитогорска, Донецка.

В 2005 году Камерный хор возвратился к «Десяти поэмам» Шостаковича, осуществив запись всего цикла на CD, исполнив его отдельные номера в Москве, Санкт-Петербурге и Японии. Презентация диска, а также изданий издательства «Дмитрий Шостакович», прошла интересно и содержательно 23 мая 2006 года в Рахманиновском зале консерватории в присутствии вдовы композитора – Ирины Антоновны. Особая судьба в Камерном хоре сложилась у двух обработок русских народных песен, выполненных композитором по заказу А. В. Свешникова – «Венули ветры», «Как меня, младу-младёшеньку». Впервые исполнив этот замечательный микроцикл в сентябре 1995 года, коллектив регулярно включает его в свои концертные программы, а полюбившаяся певцам и публике песня «Как меня, младу-младёшеньку» стала одной из «визитных карточек» хора, его виртуозным «бисовым» номером. Особенно памятно ее исполнение летом 2000 года в австрийском Линце на церемонии награждения победителей Первой Всемирной хоровой олимпиады, когда коллектив профессора Тевлина стал первым российским олимпийским чемпионом в хоровом жанре. Многие из нас, стоявших в тот день на сцене, испытывали чувство гордости за своего великого современника – Дмитрия Дмитриевича Шостаковича.

Евгений Волков,
преподаватель кафедры хорового дирижирования

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

ШОСТАКОВИЧУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

7 сентября в читальном зале консерватории состоялось событие, достойно отметившее юбилейный год - и месяц! - великого Д.Д. Шостаковича. По инициативе Библиотеки им. С.И. Танеева и ее директора Э.Б. Рассиной была устроена презентация новых публикаций двух издательств: "Композитор - Санкт-Петербург" и "DSCH".

О трех книгах, выпущенных "Композитором" к 100-летию Шостаковича, рассказала директор издательства С.Э. Таирова. Первая из них - перевод книги Элизабет Уилсон, собравшей многочисленные свидетельства современников композитора, так или иначе связанных с ним профессиональными и человеческими отношениями. Вторая - принадлежит нашей соотечественнице Бетти Шварц, с конца 1980-х и по сию пору живущей в Чикаго, которая присутствовала на презентации. Книга названа просто: "Шостакович - каким запомнился". Бетти Шварц познакомилась с великим композитором в начале 1940-х годов, записывала беседы с ним и на склоне лет создала выразительный портрет, который близкие Дмитрию Дмитриевичу люди, включая сына, Максима Дмитриевича, признали верным оригиналу. Наконец, третья книга - это голос самого Шостаковича, каким он звучал для его ближайшего друга, Ивана Ивановича Соллертинского. Впервые полностью изданы письма, общим числом более 170, которые Шостакович написал Соллертинскому почти за 20 лет знакомства, с 1927 по 1944 - год безвременной кончины Ивана Ивановича. Невозможно переоценить долгожданное издание, выполненное на высоком научном уровне, оснащенное необходимым справочным аппаратом, комментариями и указателями, открывающееся содержательной и проникновенной статьей Л.Г. Ковнацкой. Это настоящий подарок тем, кому дорого наследие великого мастера.

Две новые публикации издательства "DSCH", хорошо известного своей высококлассной продукцией, относятся к разным жанрам. Первая из них, подготовленная сотрудницей архива Шостаковича О.В.Домбровской, представляет собой толстый альбом - биографию великого композитора в фотоизображениях, запечатлевших его в разные моменты жизни. Краткие, но емкие пояснения (по-русски и по-английски) превращают фотоальбом в настоящее жизнеописание. Другая - факсимильное издание партитуры Тринадцатой симфонии Шостаковича, подготовленное М.А. Якубовым, признанным экспертом в данной области, много лет работающим над изданием произведений композитора. Как отметил Якубов, факсимильные публикации раньше ему удавалось осуществить лишь за рубежом, и Тринадцатая симфония стала приятным исключением. Будем надеяться на продолжение этой практики: факсимиле издано великолепно, на уровне лучших мировых образцов.

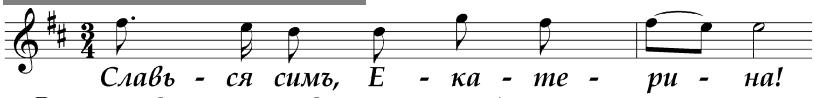
В заключение презентации Ирина Антоновна Шостакович рассказала о перспективах юбилейной осени, о предстоящих концертах и фестивальных программах.

Приятным дополнением к торжеству стало то, что книги можно было тут же приобрести - и вскоре у стойки читального зала выстроилась очередь. Несколько пачек были распроданы мгновенно.

Презентация вызвала большой интерес не только в консерватории. Пришло много журналистов, велась телевизионная съемка, и небольшой читальный зал еле вместил многочисленную публику.

Профессор С.И.Савенко

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ



Поздравлять любимого человека с днем рождения — всегда праздник. Когда же юбиляром становится любимый учитель, причем не только твой, но и музыкантов разных поколений, — праздник вдвойне. В этом году мы отмечаем юбилей Екатерины Михайловны Царевой — замечательного музыканта, выдающегося ученого и педагога, изумительного человека, всей душой преданного искусству.

Впрочем, в представлениях она не нуждается. Екатерину Михайловну знают все. Достаточно упоминания одного ее имени, чтобы при ответе на вопрос «У кого ты учишься?» у вопрошающего возникла полная уверенность в твоем профессионализме. Назвать ее воспитателем только музыковедов-историков означало бы незаслуженно сузить рамки ее многогранной деятельности. Ее времени и душевной теплоты хватает на вокалистов, теоретиков, инструменталистов, слушателей авторских курсов и Университета музыкальной культуры. Ей все одинаково интересны и дороги. Кому-то выпадает счастье начать общение с ней еще с доконсерваторского звена — в Мерзляковском училище, другим — в Консерватории.

Ее лекции по истории зарубежной и русской музыки оставляют необычайно сильные и глубокие впечатления, давая возможность живого прикосновения к искусству великих композиторов-классиков. Неподражаемы манера подачи материала и сам лекционный процесс, перемежающийся неожиданными ламбурами, экспромтами. А ее смех так заразителен, что перед ним невозможно устоять! Екатерина Михайловна беспрепятственно переходит от музыки к поэзии и литературе, и художественные образы словно рождаются на ваших глазах: слушатель видит себя то в окружении гейдельбергских романтиков или при дворе герцога Мейнингенского, то вдыхает аромат ржаного поля и соснового бора. Это настоящие прогулки по музыкально-литературным лесам (если перефразировать название известной книги У. Эко). В непринужденном перемещении Екатерины Михайловны по аудитории ощущается дыхание «абсолютной свободы», достижение которой, по ее убеждению, необходимо для истинного художника (что, например, так восхищает ее в строгом искусстве Михаила Плетнева).

Профессор Екатерина Михайловна ЦАРЕВА

На уникальных общедоступных лекциях-концертах «Университета музыкальной культуры» (одном из ее любимых детищ) она — организатор и лектор — нередко выступает аккомпаниатором и исполнителем фортепианной партии в ансамблях вместе со своими друзьями и студентами. Как и для ее наставника Н. С. Николаевой, рояль в не меньшей степени, чем классическое музыкознание всегда был и остается предметом особой любви Екатерины Михайловны. Пиетет к своим педагогам — Л. М. Левенсон, Ю. А. Фортунатову, Л. А. Мазелю, С. С. Скребкову, Д. А. Блюму, Ю. Н. Холопову, И. А. Барсовой — она сохраняет и передает ученикам. Об этом же свидетельствуют авторские программы на радио «Орфей», а также проводимые с ее участием ежегодные конференции «Слово и музыка», посвященные памяти выдающегося русского мыслителя и искусствоведа А. В. Михайлова. Продолжая лучшие традиции Московской консерватории, Екатерина Михайловна неразрывно связана с великой русской культурой кровными узами.

Дорогая Екатерина Михайловна! Поздравляем Вас и искренне желаем Вам здоровья, неиссякаемого оптимизма, радости общения с учениками и коллегами, новых приятных музыкальных впечатлений и творческих открытий!

От имени учеников, друзей, коллег

Григорий Моисеев

ЮБИЛЕЙ

Профессор Борис Григорьевич ТЕВЛИН

Уважаемый Борис Григорьевич!

Поздравляю Вас с 75-летием со дня рождения! Талант, целеустремленность и упорный труд позволили Вам, выдающемуся хоровому дирижеру, достичь значительных успехов в профессиональной карьере. Искреннего уважения заслуживает Ваша плодотворная педагогическая деятельность, которой Вы уделяете огромное внимание. Желаю Вам успехов, вдохновения и всего наилучшего!

В. Путин,
Президент Российской Федерации

Искренне рад поздравить Вас — выдающегося музыканта, хорового дирижера, посвятившего свою жизнь сфере отечественного высшего музыкального образования с 75-летием со дня рождения! Ваша научная, творческая и педагогическая деятельность неразрывно связана с Московской консерваторией. Мы высоко ценим Ваш личный вклад, знания, опыт, требовательность, человеческую и педагогическую мудрость в сохранении и приумножении лучших традиций профессионального хорового искусства. Великое Вам спасибо за преданное служение делу музыкального образования, обогащению знаниями своих питомцев, позволяющими молодым специалистам уверенно ощущать себя в профессии. Многие из них - известные дирижеры, хормейстеры и педагоги. Примите добрые пожелания крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов, талантливых студентов, счастья и благополучия.

Александр Соколов,
министр культуры и массовых коммуникаций РФ

Дорогой Борис Григорьевич!

От всей души поздравляю Тебя с 75-летием! Как музыкант, я благодарю Тебя за огромный вклад в Музыку. Твоя дружба с талантливыми современными композиторами привела к появлению многих новых замечательных произведений. Я горжусь нашей дружбой и желаю Тебе еще многих и многих лет продолжения Твоей замечательной деятельности. Искренне твой

Мстислав Ростропович

Каждая творческая встреча с Борисом Тевлиным, превосходным музыкантом и руководимыми им коллективами, доставляла мне удовлетворение и радость. Его увлеченность каждой работой, ответственность, погруженность в замысел и суть исполняемого произведения передавались хору и всегда приносили успешный результат. И сегодня я безо всяких колебаний вверяю ему судьбу своей только что законченной объемнейшей работы - русской хоровой оперы "Боярыня Морозова". И верю, что и на сей раз он сумеет лучше других воплотить мой авторский замысел и донести его до слушателя. Я рад, что Борис, как всегда, полон энергии и высоко держит планку. Я считаю, что без него хоровая музыка в России была бы неполнокровной.

Родион Щедрин

Комитет Государственной думы по культуре сердечно поздравляет Вас с юбилеем. Созданный мечтой, трудом и талантом одаренного музыканта, Камерный хор Московской консерватории восхищает слушателей совершенством исполнения и неизменным вдохновением. Вы органично развиваете выверенные временем традиции, неизменно подтверждая высочайшую исполнительскую культуру. Воспевая красоту и поэзию русской души, Вы успешно соединяете прошлое с настоящим. Благодарим Вас за многолетнюю плодотворную работу и огромный вклад в прекрасную палитру русского искусства. Желаем Вам вдохновенного труда и надежной поддержки родных, коллег и друзей!

Иосиф Кобзон

Последние годы я наслаждаюсь искусством Камерного хора, созданного Борисом в консерватории. Это подлинный "хоровой Страдивариус"!

Сергей Доренский

Многие прекрасные концертные программы состоялись благодаря Вашему коллективу. Вам по праву принадлежит признание и любовь тех, кто ценит и понимает хоровое искусство. Здоровья и крепости духа, успехов, исполнения творческих планов, чтобы работать и радовать!

Владимир Федосеев

Борис Григорьевич Тевлин один из наших самых выдающихся хормейстеров, которые определяют культуру отечественного хорового искусства. Многие годы он преподает в консерватории... Дисциплина у него в хоре и на кафедре железная, а иначе нельзя никакого большого дела сделать. Борис же из породы творителей больших и ярких дел. Я желаю ему всего самого замечательного, что может дать жизнь!

Тихон Хренников

Дорогой Боря! Я очень счастлив, что Ты заставил написать меня хоры и гениально их исполняешь. Я горд, что знаю Тебя и имею счастье слышать Твои концерты. Выдающийся музыкант с мировым именем, Ты всегда желанный друг и коллега в Питерской консерватории. Обнимаю, твой

Александр Чайковский

Внимание мировой музыкальной общественности ныне обращено в сторону кафедры хорового дирижирования Московской консерватории. Я присоединяю свой восхищенный голос к хору воспевающих великие достоинства юбиляра: его талант и трудолюбие, мудрость и молодой задор, высокую требовательность и широту души!

Юрий Башмет

Я увидела в Борисе Тевлине большого мастера, который объединяет в себе громадный исполнительский талант и талант режиссера-постановщика. Этот юбилейный год является для Бориса Тевлина не только итоговым, когда можно художника поблагодарить, но и годом дальнейшей активности, дальнейшей молодости юбиляра.

София Губайдулина

Дорогому нашему Учителю Борису Григорьевичу сегодня мы адресуем свои искренние и сердечные поздравления, чувства глубокого уважения, любви и преданности!

Камерный хор

ПУТЕШЕСТВИЯ

КУБА – ЛЮБОВЬ МОЯ

Гавана. 17 мая 2006 года. Среда. Ректорат Высшего института искусств Кубы. До встречи с представителями музыкального факультета Института остается несколько минут. Приемная постепенно наполняется кубинскими преподавателями и профессорами. Неожиданно для себя замечаю обращенный на меня пристальный взгляд. Приятный мужчина средних лет располагается в кресле справа. Мы киваем друг другу. Ни я, ни он не решаемся начать разговор. Ситуацию спасает открытый портфель незнакомца, в котором я замечаю две книги на русском языке — «Инструменты симфонического оркестра» М.И. Чулаки и «Основы оркестровки» Н.А. Римского-Корсакова. Прочитав недоумение на моем лице, незнакомец широко улыбается: «Позвольте представиться. Хорхе Лопес Марин. Композитор.»

За сотни тысяч километров от Москвы, на тропическом острове, похожем на «длинную зеленую ящерицу с глазами из воды и камня» (Николас Гильен), я встречаю человека, говорящего по-русски! Забывается утомительный 12-часовой перелет. Забывается пьяняще душная атмосфера гаванской улицы. Мне начинает казаться, что я никуда не уезжала. Все, как дома...

На Кубе нас встречают добром. Нам доверяют, несмотря на то, что в 1990-е годы произошел обвал экономических связей между нашими странами, а взаимный товарооборот снизился с 1990 по 1994 годы почти в 16 раз. На Кубе помнят, что в советское время в нашей стране обучались десятки тысяч кубинских специалистов, а многие наши соотечественники работали на Острове, помогая кубинцам в области энергетики, машиностроения, образования, медицины, науки, культуры... На Кубе много смешанных семей, и человеческий фактор — еще одна причина для сохранения и развития гуманитарных связей с этой страной.

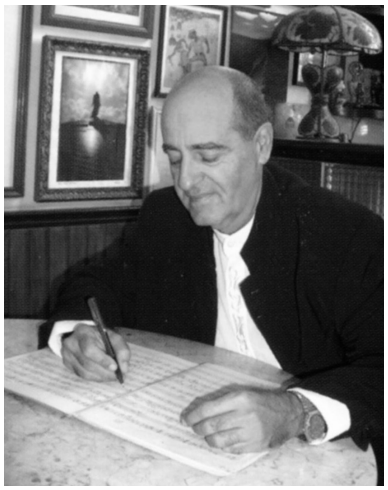
— В Московской консерватории занимаются по учебнику Способина? Мы хотим перевести его на испанский язык.

— Чем отличается преподавание теории в Москве и Ленинграде?

— Разрабатывают ли в консерватории проблемы семантики?

Вопросы, вопросы, вопросы летят ко мне со всех сторон... Голос переводчицы Татьяны Максименковой не умолкает ни на минуту. Как же радостно слышать, что в Гаване молодые кубинские музыканты учатся по русским учебникам, и что имена Б.В. Асафьева, В.А. Цуккермана, Ю.Н. Холопова, Е.В. Назайкинского известны им не понаслышке!

Высшему институту искусств, расположившемуся на месте бывшего загородного клуба для состоятельных американцев, в этом году исполнится 30 лет. В институте четыре факультета – музыки, пластических искусств, сценических искусств и средств аудиовизуальной коммуникации. Многие профессора получили высшее образование в Советском Союзе. Среди них проработавший в Институте более 20 лет пианист Франк Фернандес. В 1971 году он окончил Московскую консерваторию по классу профессора В.К. Мержанова, а в 1975 состоялся его дебют в Большом зале консерватории, причем Франк стал первым кубинским солистом, выступившим в БЗК в сопровождении Московского филармонического оркестра.



Мой новый знакомый Хорхе Лопес Марин преподает в Институте дирижирование и инструментовку. Получив начальное музыкальное образование в Гаване, он в 1969 году поступил в Киевскую консерваторию по классу композиции Л. Н. Колодуба и по классу дирижирования М. М. Канерштейна. А в 1975–78 гг. учился в аспирантуре Московской консерватории у А. И. Хачатуряна (композиция) и Б. Э. Хайкина (дирижирование).

Общение с кубинскими коллегами показало, что история кубинской музыки переживает сегодня волнующее время. В связи со вновь открывающимися данными будут, по-видимому, переписаны некоторые главы истории кубинского музыкального искусства, в частности, создана новая история музыки конца XVIII – начала XIX века. В свою очередь, российским музыковедам предстоит открыть для себя таких кубинских композиторов, как Франсиско Мариа Ласо де ла Вега, Кайетано Пагуэрас, Хосе Франсиско Рансоли Наварро... После выхода в свет книги Карпентьера «Музыка Кубы» центральной фигурой этого времени традиционно считался Эстебан Салас, глава капеллы кафедрального собора в Сантьяго. Однако в 1990-е годы молодой исследовательнице Мириам Эскудеро удалось обнаружить в гаванской церкви La Merced часть коллекции рукописей музыкантов, служивших одновременно с Саласом и/или чуть позже в кафедральном соборе Гаваны. Ранее эти рукописи (в общей сложности 623 манускрипта) считались утерянными.

«Кубинцы — это ахиако», объясняет Одалис Бускарон, шеф-редактор московского бюро агентства La Prensa Latina. «Ахиако — наше национальное блюдо, наподобие густой похлебки. В кубинцах, как в ахиако, все перемешано. В нас кровь испанских конкистадоров, кровь темнокожих рабов с африканского побережья Гвинейского залива и французских беженцев с Гаити...»

Алехо Карпентьер приводит данные из переписи 1827 года: в Гаване на 16520 белых мужчин приходилось 44 музыканта, а на 6754 свободных афрокубинцев — 49 музыкантов, то есть почти в три раза больше, чем среди белых. Неудивительно, что в XIX веке Европа переживала бум темнокожих виртуозов из заморских стран. Трое из них были кубинцами.

Об афрокубинском пианисте Хосе Мануэле (Лико) Хименесе я впервые узнаю от музыковеда Энрике Заяса Брингаса. Одним из преподавателей Хименеса был Мошелес. После активной концертной деятельности в Германии и во Франции Лико посвятил себя педагогике, возглавив в 1892 году консерваторию в Гамбурге.

Кубинский скрипач Хосе Уайт с блеском окончил Парижскую консерваторию. После выступлений в Соединенных Штатах, он гастролировал в Венесуэле, Перу, Чили, Аргентине, Уругвае... А в Бразилии Уайт играл перед членами королевской семьи, после чего император Педро II пригласил Уайта давать уроки его дочери, принцессе Изабель и возглавить Консерваторию в Рио-де-Жанейро. Помимо концертной деятельности, Уайт активно занимался педагогикой. Среди его учеников — Жак Тибо и Джордже Энеску.

Скрипача Клаудио Бриндиса де Саласа при жизни называли «черным Паганини», «королем октав». После обучения в Парижской консерватории он занял пост директора консерватории на Гаити и выступал с концертами в Центральной и Южной Америке. Бриндис де Салас широко гастролировал по Европе, а в 1881 году даже давал концерты в Петербурге и Екатеринбурге (!). Пожалованный титулом барона, скрипач в течение ряда лет служил при дворе кайзера Вильгельма II в Берлине.

«Я испытываю волнующее чувство ностальгии, смешанное с острым желанием вернуться в Россию», сказал мне на прощание Хорхе Лопес Марин. А я, кажется, начинаю испытывать такое же острое желание вернуться на Кубу, эту романтическую кузницу солнца, где я сразу почувствовала себя, как дома. Я благодарна моим дорогим кубинским друзьям, встретившим меня с открытым сердцем, переводчице Татьяне Максименковой, первому секретарю посольства РФ на Кубе Алексею Поликину и вдохновителю моей поездки, проректору по международным связям, проф. В.В. Суханову.

Елена Доленко

На снимке: Хорхе Лопес Марин

ПРОЕКТЫ

200 ЛЕТ СПУСТЯ

Президент Международного фонда «Опера», солист Большого театра Сергей Гайдей – далеко не маниловский мечтатель: «саду цвесть», когда люди с такой активной жизненной позицией и твердой верой в артистический и интеллектуальный потенциал России, берутся за сложные оперные проекты, а именно – первое в России исполнение оперы России «Танкред».

Написанная почти 200 лет назад молодым композитором, опера «Танкред» (1813) была сразу принята публикой. Стендаль, оказавшийся в дни первых спектаклей в Венеции, писал о премьере: «это было безумием, подлинным фурором. От простого гондольера до знатного вельможи все повторяли мелодию арии Танкреда»

Русские опероманы не имеют потребности вокализировать, но на спектакль отреагировали с итальянским темпераментом – казалось, вызовам, крикам «браво» и дождю цветов не будет конца. И могло ли быть иначе, если творение Россини представила прекрасно подобранная команда исполнителей: заслуженная артистка России, солистка Большого театра Лариса Рудакова и народный артист Казахстана Эрик Курмангалиев в заглавных партиях, а также солисты Литовского национального театра Витаускас Юозапайтис (Орбаццано), и Музыкального театра им. К.С.Станиславского и В.И.Немировича-Данченко Алексей Долгов (Аргирио). В партиях Изауры и Руджьеро дебютировали ученицы проф. И.И.Масленниковой – студентка IV курса Александра Ковалевич и аспирантка Дарья Зыкова. Слаженность ансамблевых сцен оперы во многом объяснялась тем, что весь женский состав группы представлял одну вокальную школу – Л.Рудакова («молодая Монтсеррат», как называют ее в вокальных кругах) тоже училась у И.И.Масленниковой.

Нам удалось «выхватить» Дашу Зыкову из круговерти студенческих будней и за чашечкой кофе расспросить о постановке «Танкреда». На вопрос: «Что вы почерпнули для себя из общения с таким опытным мастером, как Лариса?», – Даша ответила признанием в любви:

«Ларису я знаю с детства. 15 лет назад я пела в детском хоре Большого театра и старалась не пропускать спектакли с ее участием, слушала ее в «Травиате», «Севильском цирюльнике», посылала ей цветы с надписью «от ученицы Ирины Ивановны». Обожаю ее, это потрясающий человек солнечного, открытого характера. А с точки зрения вокала – послушаешь, как она распевается, и самой уже не надо: все в аппарате настроилось на верный тон. Я и приглашение принять участие в премьере получила от самой Ларисы – это они с Эриком застрельщики проекта!

Очень люблю музыку Россини, было так приятно в ней «звучать». И вообще, весь состав исполнителей – «мои люди», и с музыкантской, и с человеческой точки зрения. А дирижер Сергей Кондрашев все так скрупулезно и творчески выстроил, что оставалось только влиться в форму, которую он приготовил».

В восторге от работы с профессионалами и Саша Ковалевич, дипломант конкурса «Belle voce», обладательница премии «За лучшее исполнение русской музыки» на конкурсе Франсиско Виньяса в Париже (2005). Свою партию она выучила за две недели и на премьере выглядела достойно. Международный фонд «Опера» принялся за подготовку следующих проектов: новогоднего концерта оперных певцов на сцене Большого зала, сольного концерта одного из ведущих баритонов мира Владимира Чернова и еще двух оперных премьер. «Танкред» стал удачным началом этого увлекательного марафона.

Ганна Мельничук, стажер

ДО СВИДАНИЯ, ФЕСТИВАЛЬ!

Программа VI Московского международного органного фестиваля была более чем насыщенна: мастер-классы профессоров Университета музыки и изобразительных искусств Иоганна Труммера и Гюнтера Роста (Австрия), концерты юных органистов (учеников ДМШ и Академического музыкального училища при Консерватории), выступления студентов, аспирантов и выпускников МГК. Во всем многообразии творческих направлений предстала консерваторская кафедра органа и клавесина. В концертах приняли участие воспитанники проф. Н.Н.Гуреевой (художественный руководитель форума) и преп. А.Шмитова, проф. А.А.Паршина и доц. А.С.Семенова, доц. Л.Б.Шишхановой и доц. Д.В.Дианова.

В Малом зале при участии камерного хора «Духовное возрождение» под руководством проф. Л.Конторовича с огромным успехом прошел сольный концерт А.Шмитова, вдохновенно исполнившего музыку русских композиторов XIX–XX веков, хоры Ю.Потеенко и собственную «Пасхальную мессу». Австрийский органист Г.Рост потряс публику удивительной легкостью и виртуозным владением инструментом – казалось, что технических трудностей для него просто не существует.

Смолкли шумные аплодисменты. Перевернута еще одна страница истории, а следующая с нетерпением ждет продолжения — новых встреч, яркого и захватывающего исполнения, знакомства с интересными сочинениями... В добрый путь!

Мария Щеславская

**Магазин при Издательском Доме «Композитор»
купит ноты и книги по музыке (кроме литературы для ДМШ).
Обращаться к зам. генерального директора издательства
Владимиру Самуиловичу Володарскому (8-909-954-81-66)**

IN MEMORIAM

Так вышло, что одним из последних текстов, написанных ***Марией Распутиной****, было ее прекрасное прощальное слово о Е. В. Назайкинском, опубликованное в майском номере нашей газеты. Среди бумаг Евгения Владимировича сохранилось его слово о ней — слово научного руководителя на защите диссертации. Публикуем его полностью.*

Буду краток.

Конечно, я ничего не скажу о диссертационном исследовании, о его содержании и уровне. Это дело оппонентов и Совета.

В этот ответственный и приятный для меня и моего аспиранта М. В. Распутиной момент я скажу только о трех вещах.

Прежде всего, об ее исключительной научной добросовестности Распутиной — о ее совестливости как ученого, заставляющей постоянно переделывать, дорабатывать, уточнять свои тексты, наблюдения, гипотезы.

Второе — о постоянном стремлении к гармонии во всех консерваторских делах, в своей музыкальной профессии. Орган, занятия со студентами, чтение лекций (за них, прочитанных, в частности, на специальном курсе по анализу музыкальных произведений у музыковедов теоретиков, я очень благодарен Марии Валентиновне), редакторская работа с музыковедческими статьями, чтение разнообразной литературы и переводы на русский язык, а также и многое другое — всё это устремлено к цельности и гармоничности.

И еще: Мария Валентиновна славный человек. Всегда внимательный, отзывчивый, добрый, скромный и, конечно, с характером, своеобразным и привлекательным.

26 декабря 2002. Научный руководитель, доктор искусствоведения, профессор Назайкинский Е. В.

Есть люди, достоинства которых так высоки, что ты с радостью признаешь их превосходство над собой, ценишь и бережешь дорогой для тебя контакт, счастлив, если он постоянен и прочен. Таким человеком была для меня Мария Валентиновна Распутина — Маша, как звали ее в Москве в отличие от Иркутска, где она была Марусей и, оказывается, даже Шурой.

Я познакомилась с ней весной 1995 года, когда Мария, студентка пятого курса консерватории, стала сотрудником Редакционно-издательского отдела, а в последний раз виделась и говорила с ней накануне ее вылета в Иркутск, ровно за полтора дня до авиакатастрофы, в которой она погибла.

В своей жизни она переживала подъем, кульминацию. В 35 лет руководила важным подразделением консерватории и была преподавателем кафедры теории музыки, работая сразу на двух спецкурсах, а еще читала лекции по истории органного исполнительства. Она выступала как органистка и преподавала игру на органе. Она защитила кандидатскую диссертацию и была признанным специалистом по музыке эпохи барокко. Прекрасно владея пером, она была отличным редактором, знала немецкий язык, с которого переводила. В Сретенском монастыре, прихожанкой которого она была, пела в народном хоре и сотрудничала в издательстве. Она водила машину, ходила на лыжах, любила готовить, умела писать замечательные письма. Она повидала мир. У нее был обширный круг знакомств. Ее везде не просто примечали — ее любили. Даже внешне она в последнее время была привлекательна как никогда...

Говорят, оплакивая умерших, мы горюем о самих себе. И о себе тоже. Потому что уходя, они уносят с собой часть нас. Но именно за то, что мы с ними потеряли и теперь оплакиваем, мы несказанно им благодарны. И если бы мне каким-то чудесным образом вдруг довелось обратиться к Марии с несколькими словами прощания, то я с восхищением и признательностью говорила бы:

о ее деятельной доброте и необычайной внимательности к людям,

о жизнелюбии и умении интересно жить,

о редкой душевной тонкости и нравственной чистоте,

о подлинной любви к музыке и способности работать увлеченно и основательно,

о постоянном стремлении к совершенству — абсолютно во всем,

о даре слушать, общаться и дружить.

Низкий поклон тебе, Маша, и светлая память!

Ольга Лосева

За свою недолгую, трагически оборвавшуюся жизнь Маша, Мария Валентиновна Распутина успела сделать очень многое. Она была по-настоящему талантлива, и это проявлялось во всем, за что она бралась — будь то исполнительство, наука, педагогика.

До сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что нет теперь рядом этого удивительно чистого, доброго, чуткого человека.

Александр Соколов

В Маше удивительным образом сочеталось, казалось бы, несочетаемое: глубоко серьезное отношение к жизни и здоровый юмор, строгость, временами даже суровость, и настоящая доброта — любящая, деятельная, сочувствующая и сочувствующая, требовательность (главным образом по отношению к себе) и скромность, даже смиренность, твердая дисциплина в делах и вкус к теплому дружескому общению. Но никакого противоречия не было, все вместе эти и другие многообразные свойства отражали богатый и при этом необычайно цельный (редкое в наше время качество!), гармоничный внутренний мир. Не раз мне приходилось слышать, как самые разные люди отзывались о Маше одними и теми же словами: «Она — настоящая!» Настоящее как истинное — во внутренних, духовных основаниях, настоящее как непоказное — во внешних проявлениях, всегда красивых и правильных, причем для ее чистой души совершенно естественных. Уже одним своим присутствием Маша задавала высокую нравственную планку, до которой хотелось дотянуться. Она никогда никого не осуждала, скорее наоборот — оправдывала и прощала. При Маше невозможно было не только высказаться о ком-то не вполне недоброжелательно, но даже и помыслить дурное. Ее светлое этическое начало очищало всех, кто находился с ней рядом. Одной из главных ее черт была ответственность — в большом и в малом: и перед Богом, и перед людьми, и перед делом. Ответственность не только за себя, но и за свое окружение. Маша была надежна, как скала, как твердыня, ей можно было довериться полностью и получить от нее мощную поддержку, всегда мудрую и действенную.

Последнее время Маша была словно окрыленная, вся светилась изнутри, несмотря на обычную в конце учебного года усталость. Казалось, впереди открывается какой-то новый, важный и радостный этап ее жизни. Так получилось, что с каждым из нас она так или иначе попрощалась, встретившись ли накануне, поговорив ли по телефону, отправив ли электронное сообщение. И ее пожелания скорейшего освобождения от трудов и «лета, лета, лета!» уже сами по себе несли частицу предвкушаемого отдыха. Машина душа рвалась домой, в Иркутск. «Кроме Иркутска мне сейчас ничего не надо», — говорила она незадолго до расставания...

Юлия Москва

Мария обладала особым даром: будучи едва ли не монашески строга к себе, она никогда не судила, а со всей пристальностью щедрого и любящего сердца вглядывалась в беды и радости окружающих. Всякий, кто имел счастье общаться с нею, чувствовал, что в этот момент Мария жила только его интересами, глубоко вникая в них и соучаствуя — иногда словом, иногда делом, а порой и молчанием — как будто не было для нее более важной заботы, чем выслушать встречного.

Незаметные и как будто скромные подвиги любви Мария совершала ежедневно, ежечасно. У нее была удивительная способность включения в сиюминутный поток жизни, какие бы сюрпризы он ей не преподносил. Обычно задумчивая и самоуглубленная, она нередко была невнимательна к событиям, которые могли принести пользу именно ей, но всегда замечала то, что касалось или могло коснуться других. Каким-то непостижимым образом ей удавалось держать в памяти невероятное количество самых разнообразных нужд окружающих, а иногда и угадывать то, что вскоре становилось необходимым тому или иному человеку. Для нее не существовало различий в отношении к людям разного возраста, социального статуса и способностей. С одинаковым желанием и неподдельным интересом она слушала выступления и студентов-композиторов, и знаменитых мастеров. Меня – преподавателя класса органа – всегда поражало, что Маруся, порой бросив все дела, успевала попасть на концерты детских музыкальных школ, где вели классы ее коллеги. Надо ли говорить, что с профессиональной точки зрения многое из того, что Маруся считала нужным посетить, отнюдь не всегда было равноценно. Однако для нее в этих мероприятиях существовала какая-то иная, неведомая большинству из нас ценность: она умела видеть искру Божью в каждом человеке и по-настоящему, с любовью ценить и беречь.

С внезапной кончиной Марии словно безжалостный, непроницаемый холод ворвался в наши жизни — будто за нашими слабыми, податливыми спинами неожиданно рухнула надежная и казавшаяся незыблемой стена.

Екатерина Попова

«Ты отдохни хорошенько. За всех нас!» – слова дружеского напутствия до сих пор обжигают слух и продолжают звенеть в оглохшей, опустевшей тишине...

Никому из нас тогда, в июле, не дано было знать, что путь этот для нашей Маши, Маруси, Марии Валентиновны оборвётся в самую вечность. Нелепо, внезапно, мучительно безвозвратно. И как в один миг вся наша жизнь разобьется, будто осколки какого-то искажённого зеркала, на две неравные части: до и после этой трагедии. Вторая половина, хотя и короче первой по своему земному исчислению, всё же бесконечно велика и бездонна. От горечи, невыплаканной и схороненной где-то в самой глубине сердца. От душевной ноши, невозможной по разумению и пониманию утраты.

Конечно, скорбь не отменяет течение жизни. Обгоняя время, она неумолимо отмеряет пропасть между *быть* и *была*. Горько и беспомощно звучат слова утешения, ими не залечить рану. Но, наверное, именно боль обостряет стремление постичь совершенство духовной гармонии. Сплотить в негасимой любви Божьей, укрепить нашу веру. Ту, что судьба так беспощадно проверяет на прочность, очищая от всего наносного, сиюминутного, ничтожного. Выправляя несовершенство жизни, как строгая органная осанка. Как случайно брошенный напоследок взгляд - ко всем нам, продолжающим жить дальше. Как вопрос, ответить на который мы никогда не сможем.

Марина Воинова

Всегда неизменно деловитая и сдержанная, внешне немного суровая и подчас ироничная, Маша была очень щедрым и добрым человеком, излучающим свет и тепло. Она помнила и заботилась о каждом, кто был рядом с ней, интересовалась судьбами наших близких, поименно знала всех детей своих однокашников, сокурсников и коллег по работе. Маша умела радоваться каждому дню и делиться этой радостью с окружающими. А как она делала подарки, как любила писать поздравительные экспромты в стихах! Порой она баловала нас своей выпечкой, которую без всякой натяжки можно назвать чудом кулинарного искусства.

Маша была глубоко православной. Она искренне веровала, подвизалась на пути молитвы, стойко соблюдала все посты, пела на службах в храме. Будучи человеком необыкновенно скромным (многие даже не знали, что она дочь всемирно известного писателя Валентина Распутина!) и отзывчивым, кристально честным и необыкновенно чистым, Маша собирала вокруг себя многих. У нее просто не было врагов! В нашей и без того маленькой редакторской комнатке всегда было тесно. К Маше приходили по делу и просто так — поболтать о пустяках, поделиться своим, личным. Люди знали, что она никогда не откажет в роскоши общения, независимо от своей занятости или настроения. Утопающий получал из ее рук спасительную соломинку, потерявший веру — частичку оптимизма и жизненной твердости. Она не склоняла голову перед трудностями, не унывала и не падала духом. Никогда не позволяла себе сорваться, опустить высоко поднятую планку в отношениях с людьми. В этом она, конечно же, была достойной дочерью своих родителей. Дорогие Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна, вы вправе гордиться своей Марусей!

Мария Макарова

Главный редактор: проф. Т.А.Курышева
Редакторы: доц. С.В.Наборщикова, М.В.Щеславская
Редактор выпуска: С.В.Наборщикова
Оригинал-макет: Д.О.Чехович
Верстка: 13.09.2006

125009, Москва, ул. Б.Никитская, 13
e-mail: rio@mosconsv.ru
Газеты МГК в Интернете:
http://www.mosconsv.ru
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА ОБЯЗАТЕЛЬНА